

DOI: 10.15372/HSS20160403
УДК 94(571.1/5)"1861/1917"

М.К. ЧУРКИН

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ (1861–1917 гг.): ИМПЕРСКИЙ ВЕКТОР

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644007, г. Омск, ул. Яковлева, 166, кв. 73

Статья посвящена широко растиражированной в отечественной историографии проблеме периодизации переселенческой политики России во второй половине XIX – первой четверти XX в. По мнению автора, в историографии этого вопроса сложилась тупиковая ситуация. Она объясняется прежде всего тем, что вне поля зрения исследователей остается культурный аспект имперской колониальной политики. В условиях внутренней колонизации имперские власти в качестве главной цели ставили вопрос обеспечения имперской безопасности, что выводило на первый план задачи колониального принуждения. Данные практики, в соответствии с законом «колониального бумеранга», транслировались впоследствии не только обратно в метрополию, но и реализовывались в условиях окраинной политики.

Ключевые слова: переселенческая политика, дискурс, имперская безопасность, внутренняя колонизация, сибирский регионализм, крестьянство, самоколонизация, «колониальный бумеранг», историографическая традиция.

M.K. CHURKIN

RESETTLEMENT POLICY IN SIBERIA (1861–1917): IMPERIAL VECTOR

Omsk State Pedagogical University
(State Educational Institution of Higher Education OSPU),
73, 166, Yakovleva Str., Omsk city, 644007, Russian Federation

The paper examines a model of the modern historiographical discourse on the problem of periodization of the resettlement policy of Russian state and a new approach to addressing the issue based on the research practices of the “new history of the Empire”. In this respect, the aim of this work is to establish and fix the alternative criteria for periodization of the government resettlement policy as an important element of the Imperial project of colonization in the second half of the XIX – the first quarter of XX centuries. The research showed that under conditions of Russian colonization a type of complex domination (defined as “internal imperialism”) took place. Its main components comprised cultural expansion, hegemony of power and also assimilation within the state borders. The Imperial Government implemented these assigned tasks in the interests of security of the Empire, and respectively, it had a function of “connective tissue”, bringing the Imperial policy to a common denominator. In the context of national security, immigration policy was originally developed as a part of internal colonization project. In the 1860–1870s the developments in the Western outskirts, especially in the context of Polish separatism and Ukrainophilic sentiments, became an imperative to arrange the basis of resettlement policy. Fears of Siberian regionalism forced the national-conservative parties and the government to restrict the resettlement activity of peasants suggesting a preference for the wealthy and moderately wealthy peasantry as the main participants of colonization. An important episode of colonization that influenced the resettlement policy was the process of construction and operation of the Siberian railway positioned as a reliable method of Russification of the eastern suburbs and the argument against the separatist ideas and attitudes. The chosen vector remained relevant when the Stolypin agrarian policy was implemented. However, during this period, models and practices aimed at ensuring the security of the Empire were substantially adjusted.

Key words: resettlement policy, discourse, Imperial security, internal colonization, Siberian regionalism, peasantry, self-colonization, “the colonial boomerang”, historiographical tradition.

Михаил Константинович Чуркин – д-р ист. наук, профессор Омского государственного педагогического университета, e-mail: proffchurkin@yandex.ru.

Mikhail K. Churkin – Doctor of Historical Sciences, Professor of Omsk State Pedagogical University.

В современной отечественной историографии сложилась весьма пестрая, но при этом однородная схема периодизации правительственной политики в сфере переселенческого движения. Характерной чертой исследовательских подходов можно назвать использование при периодизации критериев социально-экономического и политико-правового характера. В качестве таких эпохальных «вешек» авторы, во многом оправданно, называют нормативно-правовые акты периода либеральных реформ 1860–1870-х гг., мероприятия, связанные со строительством Транссиба [1, с. 85], деятельность КСЖД [2], политику Кабинета в отношении переселенческого процесса и его динамических характеристик [3, с. 4–5], системные изменения правительственных подходов к переселенческому движению, в том числе в столыпинский период [4, с. 72; 5, с. 104–105]. Последний подход детально обоснован в работах Д.Н. Белянина, выделяющего шесть периодов в переселенческой политике в широких хронологических границах 1861–1917 гг. Историк резюмирует, что переселенческая политика стартовала с дискуссионной фазы по вопросу о легализации переселенческого движения и на последующих этапах представляла собой различные варианты и способы реакции власти на миграционную мобильность крестьянства. При этом, по мнению Д.Н. Белянина, уже с 1893 г. имперские власти отказались от подходов и практик, в которых переселения рассматривались только как путь к урегулированию «земельного утеснения» и аграрного перенаселения, а на втором этапе столыпинской аграрной политики (1911–1914 гг.) «колонизация Сибири превратилась в самостоятельную цель. Магистральной задачей являлось хозяйственное развитие Сибири, включение ее в единую социально-экономическую систему Российской империи...» [6, с. 102].

Примечательно, что современный историографический дискурс задает определенную модель понимания переселенческого процесса и переселенческой политики, в которой доминирует политическая компонента колонизации, что во многом объясняется долгосрочной историографической традицией.

Не ставя под сомнение большой объем и продуктивность работы, проделанной научными экспертами по проблемам периодизации переселенческой политики, отметим, что вне поля зрения историков удивительным образом оставался колонизационный аспект вопроса, а именно культурный его компонент, который в сочетании с политической составляющей определяет сущность имперского процесса колонизации.

По определению А. Эткинды, российский вариант «внутренней колонизации» (самоколонизации) может трактоваться шире, чем в классических теориях, определяющих данное явление как процесс простого доминирования, когда переселенцы мигрируют из колонизирующей группы на колонизируемую территорию [7, с. 18]. В российских условиях реализовывался вариант более сложного доминирования, постулируемый как «внутренний империализм» – процесс культурной экспансии, гегемонии, ассимиляции в пределах госу-

дарственных границ. В этой связи возникает вопрос о степени надежности и универсальности тех маркеров переселенческой политики, которые долгие годы формулировались в специальной литературе. Насколько убедительной является модель, в которой переселенческое движение и его организация (законодательная, циркулярная, практическая) абсолютно слитны с решением государством экономических задач (крестьянское малоземелье, перенаселение и т.д.)? Более того, возникает вопрос, насколько оправдан приоритет политической доминанты в управлении переселенческим движением? Наконец, можно ли безапелляционно говорить о постоянном переформатировании правительственного курса в колонизационной политике и ее переселенческом сегменте?

При решении поставленных вопросов нам представляется эффективным использование другого критерия, определявшего процесс формирования имперской программы колонизации, в том числе и обозначения в ней власти места переселенческого вопроса. Этим критерием является, несомненно, безопасность империи. Следует заметить, что долгосрочный опыт территориальной экспансии, приобретенный Россией в протои́мперский и имперский периоды государственности, являлся благодатной почвой для реализации колонизационных задач в форме масштабных культурных проектов ориенталистского типа, которые были основаны на практиках принуждения и администрирования. В 1951 г. Ханна Арендт ввела в научный оборот термин «колониальный бумеранг» (цит. по: [7, с. 19]). В ее трактовке он означал процесс, в котором имперские власти переносят практику принуждения из колонии обратно в метрополию. В более широкой интерпретации, этот «колониальный бумеранг» «летал» и по другим траекториям – от окраины к окраине. Общеизвестно, что рост миграционной мобильности крестьянства и расширение переселенческих практик по времени совпали с польским национальным движением начала 1860-х гг., которое вкупе с памятью о событиях 1830-х гг. вызывало серьезные опасения у власти и национал-консервативной части общества, вылившиеся, по замечанию А.В. Ремнева, в фобию сибирского сепаратизма [8, с. 12].

В «правой» публицистике 1860–1880-х гг. вопрос о безопасности империи увязывался с актуализацией польских событий, а также зарождением украинофильства. В этом смысле весьма показательны перечень статей, опубликованных в «Московских ведомостях» за 1877 г., демонстрирующий востребованность и актуальность националистической журналистики и риторики: «Русское народное движение минувшего года»; «Интрига чужих и своих врагов против русского народного чувства»; «Негодование на органы печати, смущающие русское патриотическое чувство» и т.п. [9, с. 1].

Соображения безопасности, занимавшие в дискурсе адептов теории «большой русской нации» центральное место, неизбежно транслировались и на отношение к восточным окраинам страны, занимавшим

особое место среди других имперских окраин. В 1865 г. в связи с упразднением деятельности II Сибирского комитета министр народного просвещения А.В. Головин заявил, что в отличие от Польши и Финляндии Сибирь, Кавказ, Крым и Остзейские губернии являются составными частями Российской империи [10, с. 157]. По констатации М.И. Венюкова, «полное политическое спокойствие царствует на всем обширном пространстве от Урала до Тихого океана <...> В общегосударственном смысле Северная Азия является не мятежной колонией <...>, а простым продолжением империи...» [11, с. 114–115]. В начале 1880-х гг., накануне 300-летия присоединения Сибири к России, эти размышления национал-консерваторов свелись к окончательной формуле: «Сибирь не колония только, не окраина, не придаток – она есть существенная часть России...» [12, с. 996].

Таким образом, идея национальной безопасности определила логику поступков имперской администрации всех уровней в разработке программы переселенческого движения. В деятельности властей, при отсутствии организационной стройности, можно обнаружить, как минимум, системность действий, направленных на реализацию основной задачи – обеспечение безопасности империи. В рамках этого курса в 1860–1870-х гг. воплощались фундаментальные идеи, заимствованные имперскими властями в общественно-политическом дискурсе национал-консерваторов: только та земля является русской, где прошел плуг пахаря, и, соответственно, только русский крестьянин в Сибири выступает в роли русификатора и культуртрегера. Уже в конце 1860-х – начале 1870-х гг. неофициально декларируемые принципы колонизации начинают «монтироваться» с практикой переселенческого дела. Например, политическое кредо центральной власти по вопросу оттока земледельческого населения страны на окраины империи в рассматриваемый период Я.Ф. Ставровским и В.В. Алексеевым было охарактеризовано как «отрицательно-сдерживательное» [13, с. 2]. На протяжении 1860–1870-х гг. предоставление крестьянам Европейской России разрешения переселяться являлось скорее исключением, нежели правилом. Губернские по крестьянским делам присутствия, ссылаясь на правительственные директивы, пачками отклоняли крестьянские прошения о переселении в другие губернии, аргументируя отказ наличием недоимок¹. В 1876, 1881, 1886 и 1889 гг. государство опубликовало Правила об увольнении крестьян из сельских обществ и о приписке к обществам, Временные правила и, собственно, переселенческий закон, которые ужесточили требования к увольнявшимся крестьянам.

Важным фактором, оказавшим влияние на переселенческую политику, являлось наличие достаточно колониального фонда в границах других окраин, что давало возможность имперским властям апробировать модели взаимодействия с крестьянством, как глав-

ным субъектом аграрной колонизации, в условиях относительной территориальной близости. Из десяти крупнейших миграционных потоков 1870 – конца 1880-х гг. переселенцы из черноземного центра Европейской России двигались в трех направлениях: в новороссийские губернии – 374 тыс., в столичный регион – 325,5 тыс., на Северный Кавказ – 301,3 тыс. душ обоого пола [14, с. 39].

Стабильность правительственного курса и логика безопасности реализовывались и в вопросе о ссудах, предназначенных переселенцам. В 1884 г. на переселение было отпущено 40 тыс. руб., а с 1885 по 1889 г. кредит был сокращен до 20 тыс. руб. в год [15, с. 250].

Сокращение кредитов на переселенческое дело преследовало вполне определенную цель: в условиях геометрически прогрессирующего роста несанкционированных переселений (1885 г. – 1 277 семей; 1886 г. – 5 490; 1887 г. – 9 094; 1888 г. – 13 109)² – обеспечить ссудами только ту часть крестьянства, которая направлялась в Сибирь, имея проходные свидетельства, продемонстрировав тем самым самовольным переселенцам пагубность и бесперспективность их намерений.

В период строительства Сибирской железной дороги и первые 15 лет ее функционирования не произошло кардинальных изменений в имперском курсе колонизации. По определению Ф.-Б. Шенка, Транссибирская магистраль рассматривалась имперскими властями не только как стратегический проект, центром которого являлась задача подготовки военных кампаний на Дальнем Востоке, но и в качестве инструмента территориальной консолидации и достижения культурной однородности империи [16, с. 367]. Наиболее рельефно имперская составляющая оказалась запечатлена в рассуждениях современников и наиболее последовательных сторонников железнодорожного строительства – М.Н. Каткова и министра финансов С.Ю. Витте. Первый полагал, что «рельсы вслед за штыком должны завершить политическое сплочение» [16, с. 367]. Второй открыто заявлял: «... И если бы даже она (железная дорога) встретила на пути своем совершенно дикое население, то в короткий срок цивилизовала бы его до необходимого уровня» [16, с. 368].

Реализация колониальных планов оказалась зафиксированной в ряде важных правительственных решений политико-экономического характера, в частности, в правилах 1894 г., разрешавших выход на переселение только тем крестьянским хозяйствам, которые располагали достаточным количеством средств (300–500 руб.). Отметим также, что наиболее последовательным курс переселенческой политики становился тогда, когда проблема национальной безопасности актуализировалась. Министр внутренних дел В.К. Плеве еще в 1890-х гг., под предлогом опасности оттока православного населения, выступил с категорическими возражениями против предложения С.Ю. Витте относительно использования в качестве

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 26. Оп. 12. Д. 52. Л. 2.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1273. оп. 1. Д. 354. Л. 26.

переселенческого материала русских крестьян западных губерний – Минской, Могилевской и Витебской³.

Апофеозом переселенческой политики «безопасности» второй половины XIX – начала XX вв. стало учреждение Переселенческого управления, по форме организации и функциям максимально приближенного к министерствам колоний европейского типа. По справедливому замечанию В. Сандерленда, во главе управления стояли технократы, полностью осознававшие колониальную направленность своей работы [17, с. 129]. Именно с появлением Переселенческого управления статус крестьянства в миграционном процессе стал меняться. С активизацией переселенческого движения и приростом русского населения на восточных окраинах страны проблема безопасности, с точки зрения плотности русскоязычного населения, была в основном решена. Однако в исследуемый период появились новые сложности. Ставка имперских властей на состоятельное и среднесостоятельное крестьянство подверглась существенной коррекции в процессе крестьянских миграций. Хозяйства выходцев из черноземной полосы России, составлявшие остов переселенческого движения, на рубеже XIX–XX вв. стремительно теряли свою доходность, что обуславливалось аграрным кризисом в центре страны. Изучение денежной состоятельности переселенцев Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской губерний, прибывших в этот период в губернии Западной Сибири, показало, что общее количество крестьянских хозяйств, имевших денежные средства, вырученные от продажи имущества на родине (до 250–300 руб. в 1880-е гг.), было значительно бóльшим, чем по Европейской России в целом: 88,0 % против 8,0 %, однако число таких хозяйств динамично сокращалось, и к 1892–1893 гг. составило 39,2 % к 40,7 % по европейским губерниям [18, с. 250].

Период столыпинской аграрной политики (1906–1916 гг.) во многом продолжил реализацию проекта колонизации, разработанного в предшествующие годы. Вместе с тем, в эти годы отчетливо проявились новые аргументы в пользу обеспечения имперской безопасности. Зона колонизации постепенно смещалась от ареала железной дороги в подтаежные, таежные и степные районы. За спиной реформаторов оставалось поражение в Русско-японской войне и кровь от Первой русской революции, и все это требовало принятия адекватных стабилизирующих обществу мер.

Освободить Россию от «бунташного» материала, вернуть крестьянство к исконным земледельческим занятиям – вот основное содержание политической программы П.А. Столыпина. Кроме того, в условиях изменения колониальных траекторий резко усилилось значение имперского фактора в организации переселенческого движения. Переселенческое управление не только содействовало расширению зоны колонизации, но и принудительно навязывало местному населению колониальную власть, что порождало регу-

лярные социальные, этнические и конфессиональные конфликты в сибирской деревне. В сложившихся обстоятельствах крестьянство стремительно утрачивало статус свободного актора колонизации, превращаясь в субалтерна империи.

Таким образом, вопрос, касающийся периодизации переселенческой политики, требует определенной коррекции с учетом имперской составляющей колониального процесса. Решение задач безопасности в период с 1861 по 1917 г. составляло главную цель проекта внутренней колонизации империи, и переселенческая политика была направлена именно на достижение этой цели, в то время как вопрос социокультурного и хозяйственно-экономического развития Сибири первоочередным не являлся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2009. 403 с.
2. Дорощев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск: Том. ун-т, 2009. 318 с.
3. Силина И. Г. Динамика и интенсивность миграционных процессов во второй половине XIX – начале XX в. на территории Алтайского округа // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в.: сб. науч. ст. Барнаул: АзБука, 2004. Вып. 2. С. 3–12.
4. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 278 с.
5. Белянин Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 314 с.
6. Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. 696 с.
7. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
8. Ремнев А.В. Призрак сепаратизма // Родина. М., 2000. № 5. С. 10–17.
9. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897. 1877–1884 гг.
10. Ремнев А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 150–182.
11. Венюков М.И. Россия и Восток: собрание географических и политических статей. СПб.: Б.и., 1877. 297 с.
12. Современная летопись: Гонение на православие в России // Русский вестник. 1883. Т. 164. С. 992–998.
13. Ставровский Я.Ф., Алексеев В.В. Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. СПб.: Электротип. Н. Я. Стойковой, 1906. Вып. 18. 93 с.
14. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX века (по материалам переписи и паспортной статистики). М.: Наука, 1978. 215 с.
15. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1900. 375 с.
16. Шенк Ф.-Б. Imperial inter-rail: Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 354–381.

³ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 211. Л. 132.

17. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–150.

18. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

REFERENCES

1. The Role of the State in the Development of Siberia and the Upper Irtysh region in XVII–XX centuries / ed. by M.V. Shilovsky. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2009, 403 p. (In Russ.)
2. Dorofeyev M.V. Peasant Land Use in Western Siberia in the Second Half of the Nineteenth Century. Tomsk: Tomsk State University, 2009. 318 p. (In Russ.)
3. Silina I.G. The Dynamics and Intensity of Migration Processes in the Second Half of the XIX – Early XX Century in the Altai Territory. *Altayskaya derevnya vo vtoroy polovine XIX–nachale XX v.: sb. nauch. st.* Barnaul: AzBuka, 2004, is. 2, pp. 3–12. (In Russ.)
4. Razgon V.N., Hramkov A.A., Pozharskaya C.A. Stolypin Agrarian Reform and the Altai. Barnaul: Publishing house of the Altai University, 2010, 278 p. (In Russ.)
5. Belyanin D.N. Stolypin's resettlement policy in Tomsk province (1906–1914): dis. ... cand. of hist. sciences. Kemerovo, 2003, 314 p. (In Russ.)
6. Belyanin D.N. The State Policy of Agrarian-Peasant Migrations to Western Siberia in 1861–1917: dis. ... doc. of hist. sciences. Tomsk, 2016, 696 p. (In Russ.)
7. Etkind A. Internal colonization. Russia's Imperial experience. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 448 p.
8. Remnev A.V. The Phantom of Separatism. *Rodina*. Moscow, 2000, no. 5, pp. 10–17. (In Russ.)
9. Collection of Editorials of the «Moscow News». Moscow, 1897. (In Russ.)
10. Remnev A.V. Russian authorities in Siberia and Far East: Colonialism without the Ministry of the Colonies – Russian “Sonderweg”? *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)*: sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 150–182. (In Russ.)
11. Venyukov M.I. Russia and the East. Collection of geographical and political articles. SPb., 1877, 297 p. (In Russ.)
12. A modern chronicle: Persecution of Christianity in Russia. *Russkij vestnik*. 1883, vol. 164, pp. 992–998. (In Russ.)
13. Stavrovskiy J.F., Alekseev V.V. Resettlement to Siberia. Forward and reverse movement of the displaced families and singles going to work as well as khodoks. SPb.: Electrotip. N. Ya Stanovoy, 1906, vol. 18, 93 p. (In Russ.)
14. Tikhonov B.V. Resettlement in Russia in the Second Half of the XIX Century (on the Materials of Census and Passport Statistics). Moscow: Nauka, 1978, 215 p. (In Russ.)
15. The colonization of Siberia in connection with the overall migration issue. SPb.: Kantselyariya Komiteta ministrov, 1900, 375 p. (In Russ.)
16. Schenk F.-B. Imperial inter-rail: Influence of inter-ethnic and inter-imperial perception and competition on the policy of railway construction in tsarist Russia. *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)*: sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 354–381. (In Russ.)
17. Sunderland V. The Ministry of Asiatic Russia: the colonial office that never was but might have been. *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)*: sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 105–150. (In Russ.)
18. Churkin M.K. Migration of peasants from the Chernozem Center of European Russia to Western Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries: Determinants of Migration Mobility and Adaptation. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006, 376 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.09.2016